

Ко мне в мастерскую CWS приходят учиться уже состоявшиеся люди. Имеющие и некоторый жизненный опыт, и профессиональный опыт в областях, не связанных с литературой. Наталия Янтер поработала инженером по радиационной безопасности, потом ушла в журналистику. Но несомненная литературная одаренность взяла свое.

Прозаик Наталия Янтер удивительным образом совмещает в себе ребенка, подростка и взрослого. Детство — очень емкий накопитель художественной памяти. У Наталии этот ресурс рождает образность одновременно странную и свежую, всегда заново рожденную. Взрослый в писательнице видит драму, трагедию: то, о чем вся серьезная проза. Рассказ «Здравый

смысл» соединяет два взгляда, два ракурса. Маленький главный герой пока не в силах осознать жестокость родных и любимых людей. О самом обыкновенном он мечтает как о празднике, а праздник в сознании малыша приобретает красочную дымчатость сказки. Virtuозность рассказа в том, что сквозь красочный туман детства проступает реальность взрослого мира — безошибочно опознаваемая читателем, горькая и страшная.

Сейчас Наталия Янтер пишет роман, очень между-жанровый: о том, как древние боги живут среди нас в человеческом обличье, а две отчаянные девчонки, пытаясь разобраться в семейной драме, сталкиваются с большими философскими вопросами.

Ольга Славникова,
писатель, преподаватель
литературного мастерства

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

РАССКАЗ

Рисунок Марины Медведевой

Котик проснулся, но не торопился открывать глаза. Ему нравилось, как щекочет веки озорной солнечный луч, пробившийся сквозь неплотно сомкнутые шторы. И как уютно обнимает его теплое одеяло. Он лежал в своем коконе, и было ему радостно и хорошо, как будто сегодня праздник. Вот он услышал, как в гостиной часы басовито пробили семь, и тут же скрипнула притворенная дверь.

— Котик, пора вставать.

Бабушка в своих стоптанных домашних туфлях прошаркала к окну — с жалобным скрипом разохались потревоженные шторы, и вот уже яркое весеннее солнце затопило комнату и Котика вместе с ней. Бабушка присела на краешек кровати и взъерошила своей мягкой, дряблой рукой вихры у него на макушке.

— Котик, просыпайся, завтрак готов.

— А я и не сплю вовсе. — Котик радостно вынырнул из своего кокона навстречу новому дню.

— Вот и хорошо. Давай-ка умывайся и приходи скорее кушать. Вам с дедушкой скоро выходить — ты же знаешь, он не любит ждать.

— Я буду быстлый, как лакета, — отрапортовал Котик и, звонко чмокнув бабушку в щеку, унесся в ванную.

Позже, одеваясь, он еще раз убедился, что ему не почудилось и день сегодня и вправду необычный. Такие непослушные колготки — сплошное мучение, сегодня наделись сами собой, а за ними штанишки и рубашка тоже — на каждую пуговку своя петелька, а не вкривь да вкось, как бывало. Гордый собой и полный предвкушений, Котик отправился на кухню.

Бабушка хлопотала у плиты — варила себе кофе, дедушка хмуро читал газету, прихлебывая чай из дребезжащего в блестящем подстаканнике стакана. На Котиковом месте нагло уселась кошка Васька. Своими немигающими глазищами она гипнотизировала поджидавший Котика бутерброд с маслом и недовольно щурилась от горячего, исходившего ароматным паром какао. Глупая какая, подумал Котик, а вслух сказал:

— Ну-ка, бльсь!

Васька презрительно зыркнула на Котика, но место таки уступила.

— Деда, доброе утло!

— Доброе утро, Константин. Ну-ка не картавь, выговаривай слова как следует! — Дедушка отло-

жил газету и придирчиво осмотрел внука строгим взглядом поверх очков для чтения.

Обычно Котик под этим взглядом робел и таялся, но сегодня день был непонятно особенный, и поэтому Котик преспокойно себе жевал свой бутерброд, запивая его какао.

— Деда, а может такое быть, что на самом деле сегодня пла-пла-пр-р-раздник, — наконец справился Котик с коварной буквой, — но никто об этом не знает.

— Нет, не может. Все праздники, Константин, государственные, и про них все знают. Ну-ка ешь и не болтай.

— Ну а день лождения? Ой. Я хотел сказать, р-р-рождения?

— Ну так это баловство сплошное, для таких вот малышей, как ты.

— Ну уж, Вадечка, ты перегибаешь. Тебя вон всем заводом в прошлом году с юбилеем поздравляли, хоть ты давно уже и не мальчик, — вмешалась бабушка. — Разве плохо?

— Приятно, конечно, когда в коллективе тебя ценят. Но с точки зрения производства во всех этих сантиментах хорошего мало. Ты подумай, это ж во всем цеху на десять минут работа встала, пока они свои поздравления делали. Нет, сейчас, когда надо производство поднимать, возрождать, наверстывать семимильными шагами, неправильно это. Тут уж не до праздников. Не когда отвлекаться. Здравый смысл прежде всего.

Бабушка только с улыбкой покачала головой. Спорить с дедушкой она не любила.

— А как же мой день лождения? Мы ведь будем его плаздновать? — От волнения за судьбу любимого праздника Котик закартавил пуще прежнего.

— Будем, будем, не переживай, Котик, — успокоила его бабушка.

Дедушка встал из-за стола.

— Константин, доел? Тогда бегом обучаться. Так и опоздать недолго, а это уж точно никуда не годится.

* * *

— Ну что, Константин, иди. До вечера. Смотри там — веди себя хорошо! — Дед неловко потрепал внука по плечу, подталкивая к калитке, за которой его уже ждала воспитательница.

Котик хотел тоже что-нибудь сказать бабушке на прощание, но когда обернулся, то увидел только прямую, как штык, бабушкину спину, спешно удалявшуюся по залитой солнцем улице туда, где за домами пряталась кирпичная махина завода.

Котик особо и не расстроился, ведь впереди у него был целый миллион дел. Надо было срочно дернуть Ленку-пенку за косу — она, конечно, в их группе самая красивая, но пусть не важничает. Потом с Петькой и Сашкой поделить машинки. Потом из кубиков построить самую высокую башню. Потом... Котик и не заметил, как подошло время обеда.

Ощущение праздника не покидало его все время и только усилилось, когда на второе к котлете с картошкой дали его любимую кабачковую икру. Про себя Котик загадал, что в такой счастливый день хорошо бы еще обойтись без тихого часа — играть в это время не разрешали, а сон к нему обычно не шел, и приходилось все время лежать, ворочаться и скучать под недовольное цоканье нянек. До тихого часа оставались считанные минуты. Котик весь затаился в ожидании — ну как, сбудется или нет его желание? И тут дверь в группу отворилась, и Котик зажмурился, не веря своему счастью.

— Мама, мама, мама приехала! — завопил он и, позабыв обо всем, даже о недоеденной еще такой любимой кабачковой икре, кинулся к дверям. — Мама приехала!

Мама стояла в дверях бледная, худенькая и робко ему улыбалась. Он врвался в нее, утонул в шершавых складках ее пальто, обнял потерявшиеся там же колени.

— Котик, котенок мой. — Она гладила его, и руки у нее были прохладные и нежные.

— Костя, что за манеры? Ну-ка вернись на место! Ты еще не доел.

Строгая воспитательница Светлана Петровна выросла рядом внезапно, как гриб после дождя. Но Котик только глубже вжался в материнские колени.

— Котик, сынок, ты иди, доешь. Я подожду.

— Плавда-плавда? Не уйдешь без меня?

— Не уйду, честное слово. Иди.

Нехотя он отлепился от мамы и поспешил обратно к своей тарелке, содержимое которой его уже совсем не радовало. Торопливо он запихивал в себя куски котлеты и скреб ложкой яркую кабачковую жижу, то и дело поглядывая на дверь, чтобы убедиться, что мама еще здесь, никуда не делась.

— Светлана Петровна, я заберу его, можно?

— Даже не знаю. У нас сейчас тихий час. Ребенку нужно спать.

— Но...

— Да и потом, что я скажу Галине Витальевне?

— Скажете, что я забрала.

— Галина Витальевна не одобрит.

— Это наше с ней дело. Если кого она не одобрит, так это меня. Вам нечего волноваться.

Котик ужасно переживал. Светлана Петровна, прямая и несгибаемая, стояла, как часовой на посту, и не хотела пускать его к маме. Давясь, он наконец расправился с обедом и поспешил на подмогу, пока мама не сдалась и не передумала его забирать.

— Светлана Петровна, ну пустите меня с мамой! Ну пожалуйста!

— Костя, понимаешь, так не делается. Твоя бабушка, Галина Витальевна...

— В конце-то концов! Вы не хуже моего знаете, его мать я, а не Галина Витальевна!

Котик облегченно выдохнул — мама и не думала сдаваться. Глядя на нее сейчас, Котик почему-то вспомнил защищавшую своего детеныша волчицу, которую они с бабушкой как-то видели в зоопарке.

— И потом, мы у них же дома и будем, — уже не так грозно добавила мама.

— И вы точно его никуда не увезете?

— Точно. Да и некуда мне.

— Ну тогда ладно. Я думаю, ничего страшного не случится, если я его с вами отпущу.

Котик готов был прыгать и скакать от радости, но, вспомнив про манеры, как воспитанный мальчик подождал, пока дверь в группу закроется за воспитательницей и они с мамой останутся в раздевалке вдвоем. Тут уж он дал себе волю.

— Ула! Ула! Ты приехала! И мы идем гулять! — нарезал он круги вокруг раскрасневшейся и довольной мамы.

— Котя, сынок, одевайся. Там на улице так чудесно! Давай я тебе помогу обуться.

— Не надо, я сам! — радостно выкрикнул Котик, сбрасывая на скаку сандалики.

На самом деле завязывать шнурки он научился совсем недавно и получалось это у него еще неважно. Но уж очень хотелось похвастаться маме. Пыхтя от усердия, он перекрестил непослушные змейки шнурков и затянул узелок. Потом сложил петельки, одну и другую — как показывала бабушка, и снова перекрестил. Покончив с левым ботинком, принялся за правый. Шнурки выскальзывали из пальцев и не хотели загигаться петельками — Котик даже вспотел, и все же у него получилось. Бантики, конечно, были так себе, но все равно он справился.

— Видишь. Я сам! Меня бабушка научила!

Мама улыбалась, но голос у нее почему-то был грустный:

— Ты у меня молодец! Такой самостоятельный. Совсем уже большой...

Втискиваясь в свое пальтишко, Котик уже сгорал от нетерпения.

— Ну пойдем, пойдем скорее гулять!

— И правда, пойдем! — И мама снова повеселела.

Они вышли на улицу, и тут же их обдало волной теплого, пахнущего лужами весеннего ветра. Солнце светило даже ярче, чем утром. Звонко распевали свои смешные песенки синички и воробушки. И Котику казалось, что все кругом вместе с ним радуется приезду мамы.

* * *

Гуляли они долго-долго. Сначала пускали вточки-кораблики по ручьям, весело журчавшим вдоль дороги. Потом искали первую мать-и-мачеху в снежных проталинах, которые от тепла становились все шире. Потом забрели в чужой двор, где Котя, отчаянно болтая ногами, кружился на скрипучей карусели. Потом прямо на улице — бабушка бы не одобрила, но откуда ж ей узнать, — с аппетитом уплетали остывшие, но по-прежнему вкусные плюшки с творогом, про которые мама сперва совершенно забыла, а потом вспомнила.

Наконец они подошли к дому, но внутрь заходить не торопились, вместо этого устроившись на лавочке у подъезда. Уставший, сытый и довольный Котик сидел у мамы на коленях. Было хорошо, но как-то беспокойно. Сейчас, когда столько всего хорошего уже случилось, он вдруг стал волноваться — что же будет дальше?

— Мам? А мам?

— Что, мой хороший?

— А мне все еще нельзя туда, где ты живешь? — начал он издали.

Котик знал, что мама и ее муж живут в большом городе, в большом доме, где много-много людей. Про то время, когда недолго и сам там жил с ними, Котик помнил совсем немного.

Он помнил, что мамин муж был сердитый и много работал и что мама тоже много-много работала. Иногда она водила его к другим людям, жившим в их доме, а иногда эти люди приходили посидеть с ним. Но чаще всего она просто уходила, а он оставался один. Тогда ему было страшно, и он плакал.

А потом была зима, и у них дома стало очень холодно. И однажды мама ушла, а он так замерз, что начал сильно кашлять. Еще он стал весь горя-

чий, но ему совсем не было тепло. А мамы все не было. Он мерз и плакал, а она никак не приходила. Когда она пришла, то сразу повезла его в больницу. А потом он стал жить здесь, у бабушки и дедушки, потому что у мамы больше жить ему было нельзя.

— Так нельзя или уже можно?

— Нет, Котенька, нельзя. Да мне и самой уже туда нельзя.

— Ты тоже там болеешь?

— Да, Котя, сильно там болею. Нельзя мне там жить.

Мамины пальцы гладили его лоб, приглаживая торчавшую из-под шапки челку.

— Значит, ты будешь жить с нами?

— Не знаю, Котик, не знаю. — Голос у мамы снова стал грустным.

— Но ты хочешь? Ведь хочешь? — Котику очень хотелось, чтобы мама ответила «да».

Но мама сказала:

— Знаешь, давай-ка пойдем домой, становится прохладно.

И правда, еще недавно такое яркое солнце поблекло, его заволокло пеленой мутных, похотливых на грязные лохмотья облаков. А ласковый и теплый весенний ветер теперь обозлился и норвил забраться к Котику под пальто, чтобы ужалить холодом. И Котику всего на секунду подумалось, что его чудесный день уже не такой чудесный.

* * *

Дома мама раздела Котика, поставила чайник на плиту, и они пили чай. Мама к своей чашке почти не притронулась, она разглядывала Котика. А он в ответ разглядывал ее, хотя и про чай, сладкий, приятно согревавший, тоже не забывал.

— Мам, а ты чумазая.

— Что? Где?

— Вот тут, смотли.

Котик показал пальчиком на мамину щеку, на самый ее низ, где, изгибаясь, скула переходила в шею: там на белой, почти прозрачной коже проступало синеватое с нехорошим желтоватым оттенком пятно. Котик даже было подумал, что это синяк, очень уж похоже — у него самого они случались, когда им с Сашкой не удавалось мирно поделить игрушки в садике. Но откуда у мамы могут быть синяки, она же взрослая. Ей ни с кем делиться игрушками не надо.

— Ой, и правда испачкалась. — Мама как-то неловко улыбнулась, одновременно повыше натягивая ворот шерстяного платья, который никак не хотел скрывать нехорошее пятно.

— И еще луки. Вот и вот, — блистал наблюдательностью Котик, показывая на еще более темные, почти фиолетовые пятна, расплывшиеся на запястьях маминых рук, которые она торопливо спрятала на коленях. — Ты что же, не умывалась сегодня? Я вот каждый день утлом умываюсь. И еще вечелом. Бабушка говолит, что нечистым тлубочистам стыд и слам! А кто такой тлубочист, мам?

Но только мама начала рассказывать ему про тлубочистов, как Котик отвлекся — его озарила идея.

— Мама, сыглай мне!

Он торопливо слез со стула и потащил маму в гостиную. Там напротив окна под большой картиной, где нарисованная лошадка мирно паслась на краю проселочной дороги, стояло старенькое пианино. Черные и белые клавиши завораживали Котика. Он не раз уже прилаживался к ним и так и этак, но ничего путного у него не выходило. Ни дедушка, ни бабушка играть не умели и ничем Котику помочь не могли, зато от его попыток у дедуш-

ки сразу начинала болеть голова, и заканчивалось все одинаково — Котика ссылали в спальню.

— Ну, сыглаешь?

Мама кивнула, а Котик загадал — если мама сыграет его любимую мелодию, значит, этот день все еще особенный. Пыхтя от натуги, он придвинул второй стул поближе к маминому и уселся рядом. Мама пробежалась своими длинными, тонкими пальцами по клавишам, а потом начала играть мелодию. Она была нежной, неспешной и немного грустной, но самое главное, она была той самой. Котик затаил дыхание и слушал, и снова ему было хорошо и спокойно, и только самую малость почему-то хотелось плакать.

* * *

Вдруг мелодия оборвалась, а мама напряглась и застыла совсем как не живая. Котик услышал скрежет ключа в замке, а еще через мгновение раздался бабушкин голос.

— Котик! Котик! Ты где?! — Бабушка вбежала в комнату, даже забыв снять ботинки, чего с ней никогда не случалось. Вид у нее почему-то был напуганный, а увидев их с мамой, она резко остановилась и тоже замерла как вкопанная.

— Да здесь я. Бабушка, смотли, мама приехала.

— Вижу. — Развернувшись на каблуках, бабушка вышла из комнаты. Котик заметил, что лицо у нее было очень строгое, с таким она ругала Котика, только если он себя очень плохо вел.

На душе у Котика заскреблись кошки, он вдруг почувствовал, что волшебство сегодняшнего дня снова ускользает от него.

Когда бабушка вернулась обратно в гостиную, на ней уже были домашние туфли, но лицо оставалось таким же суровым.

— Котик, голубчик, пойдди поиграй, пожалуйста, в спальне — нам с твоей мамой надо поговорить.

Тон бабушки не допускал возражений, и Котик, обиженно сопя, поплелся прочь из гостиной. Стоило ему выйти, бабушка быстрым движением прикрыла за ним дверь. До спальни Котик не дошел, застыв в прохладном полумраке коридора и прислушиваясь к тому, что происходило за дверью.

— Ну здравствуй, мама.

— Что-то я не припомню, чтобы мы договаривались о твоём приезде.

— Мне больше некуда идти.

— О чем ты думала?! Отцу это не понравится.

— Мама, мне некуда больше идти, слышишь!

— И что прикажешь теперь делать?

— Не знаю, мама. Не знаю.

— Опять развод?

— Мне уже все равно. К нему я больше не вернусь!

— И что? Будешь жить здесь? Мы это уже проходили. Отец не согласится.

— Поговори с ним. Уговори!

— Свою жизнь рушишь и меня под монастырь подведешь.

— Котику ведь так будет лучше...

— Ты Котика не приплетай! Ему с нами хорошо. Лучше, чем с такой...

— С какой? Ну, договаривай, мама!

— Все, хватит. Обещать ничего не буду, но переночевать, думаю, сможешь. А там видно будет.

Услышав последнюю фразу, Котик перестал пытаться понять, о чем там говорили бабушка и мама. Это было неважно. А важно было, что мама останется. И Котик представил, как ночью заберется к ней под бок и прижмется покрепче. Как будет ему тепло и как приятно будет вдыхать мамин запах — чуть сладковатый, как у молока с медом, которым бабушка лечила его от простуды.

Как мама обнимет его своей прохладной рукой, поцелует его много-много раз в лоб, и в щеки, и в нос, а потом будет гладить, пока он не заснет.

Обещанное счастье было таким огромным, что страшно было в него поверить, но еще страшнее было подумать, что оно не сбудется. И Котик испугался — вдруг бабушка сейчас застанет его здесь, в коридоре, рассердится и передумает.

Он попятился от двери, стараясь не шуметь, но так нервничал, что споткнулся и, чтобы не упасть, ухватился за стоявшую поблизости вешалку. Под его весом вешалка накренилась, предательски скрипнув, а потом и вовсе с грохотом опрокинулась, накрыв Котика лавиной плащом и пальто. Не помня себя, Котик выполз из-под завалов, на четвереньках прошмыгнув в спальню, прикрыв за собой дверь, и тут же услышал бабушкин встреженный голос:

— Котик, что такое? Что за шум?

Котик влез на свою кровать и с самым невинным видом воззрился на сразу же возникшую рядом бабушку.

— Ох и жук — весь в мать, — произнесла она строго, но глаза у бабушки смеялись, и Котик с облегчением понял, что вовсе она и не сердится.

* * *

За окном темнело. По-зимнему хмурые тучи бороздили еще недавно такое ясное небо, готовясь в сумерках обрушить свой ледяной гнев на только оттаявшую было природу. Котик следил за тучами через окно кухни, где мама с бабушкой в четыре руки готовили ужин. Разговаривали они мало, но мирно, а под ногами у них виляла и ластилась Васька — кланчила себе угощение.

Освещаемая мягким светом лампы, кухня дышала душным теплом, которому не страшны были царившие на улице холод и мрак. И все же Котик то и дело зябко ежился и ерзал на стуле, в смутной тревоге прислушиваясь, как в гостиной часы звенящим басом отмеряли течение вечера. Он чувствовал эту тревогу и в маме, и в бабушке, хоть они и старались отвлечься от нее сию минутными хлопотами. Никто не говорил этого вслух, но все ждали дедушку.

После ужина Котик стал мечтать, чтобы дедушка пришел совсем поздно, когда они с мамой уже лягут спать. Он, конечно, волновался — ведь особенный, похожий на праздник день теперь уже подходил к концу, и непонятно было, хватит ли его на еще одно желание Котика, — но все равно на всякий случай мечтал и верил.

И вот уже мама ушла в ванную и вышла оттуда совсем другая — раскрасневшаяся, домашняя, в

халате, тапочках, с влажными, гладко расчесанными волосами. Вот уже они с бабушкой разобрали диван в гостиной и постелили для мамы свежую постель. Вот уже Котик умылся, быстро-быстро орудуя мохнатой щетиной щетки по широким лопаткам передних, молочных еще зубов. Вот уже, торопливо шлепая босыми пятками, просеменил он в гостиную, где еще немного — и должно было сбыться то самое долгожданное счастье.

Мама легла, и Котик успел к ней прижаться, а бабушка почти успела выключить в комнате свет, когда раздался знакомый скрежещущий звук поворачивающегося ключа. Мама вздрогнула и села. И время словно остановилось.

Котик слышал, как в коридоре неспешно и обстоятельно раздевается дедушка. Вот глухой удар — дедушка задвинул ботинки на обувную полку, а следом шлепок, с которым на пол, должно быть, упали тапки; вот резко вжикнула молния его плаща, и со знакомым скрипом отозвалась потревоженная вешалка, на которой этот плащ повис.

Только теперь дедушка появился на пороге гостиной, где с момента его прихода никто не шелохнулся и даже, кажется, не дышал. Взгляд у дедушки был строгий, обвинительный — но это еще ничего и не значит, успокаивал себя Котик, нервно дергая под одеялом ногой, — дедушка всегда так смотрел, как бы заранее всех не одобряя. Дедушка молчал, и такая нехорошая тишина повисла между ним и остальными, что Котик даже зажмурился, а зажмурившись, услышал виноватый мамин шепот.

— Папа, я...

* * *

Но дедушка не дослушал, а холодным, пустым голосом, от которого у Котика по спине побежали мурашки, обратился к бабушке:

— Галочка, скажи на милость, что тут происходит?

— Вадечка, ей некуда больше идти, и я решила, что она может остаться у нас. Хотя бы на одну ночь.

— Вот как. Значит, мое мнение в нашем доме уже никого не интересует. Как так получается, Галочка?

— Вадечка, но это ведь всего одна ночь. Я не думала, что ты будешь возражать.

— Нет, конечно, ты не думала... И все же я буду возражать, и возражать сильно.

От этого «сильно» глаза у Котика распахнулись сами собой, тут-то дедушка его и заметил:

— Константин, ну-ка марш в спальню! Живо, я сказал!

Котик, путаясь в одеяле, вскочил с дивана, от испуга чуть-чуть упустив в штаны, и пулей помчался напрямик в спальню: подслушивать в коридоре теперь было страшно и даже опасно. Но этого и не требовалось. Дверь дедушка прикрывать не стал, и разговор взрослых было слышно по всей квартире.

— Галочка, у нашей дочери, насколько мне помнится, есть муж. Есть свой дом. Вот туда пусть и отправляется!

— Но Вадечка, ты посмотри на нее — на ней живого места нет! Да и ночь на дворе, куда же она пойдет?!

— Галя, я еще раз повторю. У нашей дочери своя жизнь. Такую уж она себе выбрала. И потому место ее дома, с мужем, а не здесь.

— Раз ты так решил, то прекрати объяснять это мне, а сам поговори с ней. Я умываю руки.

— Папа, пожалуйста... Мне нельзя возвращаться, он же убьет меня!

— Хватит! Нечего передо мной тут вытряхивать свое грязное белье! Или, может, ты хочешь упрекнуть нас с матерью, что мы плохие, злые родители? Но, позволь напомнить, что все это уже было. Не мы ли приняли тебя, когда ты явилась сюда беременная невесть от кого? Не мы ли помогли тебе восстановиться в институте? Не мы ли искали няnek твоему ребенку, чтобы ты могла спокойно учиться? И что же мы получили взамен? Ты выскочила замуж за первого попавшегося проходимца и сбежала, прихватив с собой нашего внука! После этого мы плохие?!

— Папа, да ты счастлив, должно быть, был, что хоть кто-то на мне женился! Что прикрыт был твой позор! Что теперь всем можно было предьявить зятя, а не беспутную дочь с ребенком и без мужа! Что, скажешь, не так?

— Неблагодарная! Нет, Галочка, ты слышишь! Она, оказывается, нас осчастливила своим бездумным браком! А нас ты спросила, нужно нам такое счастье?! В свое время мы тебя избаловали, а может, и надо было пару затрещин вклепить, глядишь, одумалась бы. Теперь пусть муж твой тебя воспитывает уж как умеет. Собирай вещи и отправляйся к нему. Вы друг друга стойте.

— Папа, ну меня тебе не жалко, я понимаю. Так ты хоть Котика пожалей, он...

— Константину без тебя только лучше будет. Глядишь, повезет, вырастет приличным человеком. Может, тебе напомнить, в каком состоянии мы его от тебя забирали? До чего ты ребенка довела, забыла уже? Так что не надо мне на жалость

давить. Твоя сердобольная мать уже пошла у тебя на поводу и настояла на ваших встречах, а я и согласился. Хотя по мне лучше уж вовсе без матери расти, чем с такой... И что в итоге? Только ребенок успокоился, окреп — ты тут как тут. Думаешь, как обычно, только о себе. А расхлебывать опять нам с матерью. Ничего, нам не привыкать. Но поганить мальчику жизнь я тебе больше не позволю! Все. Разговор окончен. Уходи.

Забившись в угол на своей постели, Котик прислушался к тяжелым дедушкиным шагам, удалявшимся в сторону кухни. Потом снова все его внимание сосредоточилось на гостинной, где теперь повисла горестная тишина, изредка прерываемая маминими всхлипами и торопливым шепотом бабушки.

Котик все пытался понять, как такой хороший и радостный день мог закончиться такой ужасной катастрофой. Может, это его вина? Может, он что-то не то сделал? Может, слишком много просил? И когда за окном в пугающей ночной мгле начала бушевать метель, он заплакал.

Как в комнату вошел дедушка, Котик не заметил.

— Константин, это что еще такое? Ну-ка быстро спать!

— Нет! — Котик вскочил на кровати. — Нет! Нет! Нет!

Спрыгнув с кровати, он бросился в коридор, где уже одетая мама дрожащими руками застегивала пальто.

— Мама! Мама! Не уходи! Забели меня с собой! Не уходи!

— Котик, котенок мой, ну не плачь! — Мама опустила на корточки. Лицо у нее было красное, опухшее от слез, но она старалась улыбаться.

Котик, обхватив ее за шею, уткнулся в ворот ее пальто. Если он будет держать ее вот так, крепко-крепко, она не уйдет.

— Котик, хороший мой. Не плачь! Скоро будут праздники, и бабушка привезет тебя ко мне. Ведь привезет, да?

— Конечно, Котик, голубчик. Не переживай. Ты и не заметишь, как время пролетит, и снова будешь с мамой гулять, в зоопарк ходите...

— Не хочу в зоопарк! Не хочу! Я с мамой хочу! Мама, забели меня с собой! Я больше не заболею, никогда! Я буду самым холошим! Пожалуйста, не уходи!

— Котя, хороший мой, любимый мой сыночек. Не плачь! Ну пожалуйста! Мама, заведи его, я не могу!

— Мама! Мама! Не уходи!

Бабушка ухватила Котика под мышки, оттащивая от мамы. Котик брыкался, вырывался, цеплялся за мамину шею, за ее пальто и за прохладные руки, но поделаться ничего не мог — мама ускользала от него.

— Котик, прости меня... прости, — прошептала она и заплакала, а потом, щелкнув задвижкой, исчезла за дверь, как будто и не было.

* * *

Котик подлез к самому окну спальни и теперь, стоя коленками на жестком, широком подоконнике, вглядывался в испещренную косыми каплями темноту. Там, вдалеке, в неверном мерцании фонарей, по засыпанной снегом дорожке шла мама. Шла ссутулившись, как побитая собака. Котик приложил ладошку к холодному стеклу, накрыв ею мамин дрожащий силуэт.

— Не плачь, мама. Не плачь, пожалуйста... — шептал он и нежно гладил безжизненную поверхность.

Он не слышал, как на кухне, прихлебывая чай из стакана, дребезжащего в блестящем подстаканнике, дедушка сказал:

— Галочка, не вини себя. В том, что у нас такая дочь, нашей вины нет. Мы были хорошими родителями. Всегда делали все, что было в наших силах. Но мы не можем и не должны всю жизнь нести ответственность за нее. Этим мы ей прежде всего окажем медвежью услугу. И ты, Галочка, была не права. Нельзя было потакать и идти на поводу у сиюминутной жалости. Неправильно это. Здравый смысл прежде всего.

Бабушка промолчала и только грустно покачала головой. Спорить с дедушкой она не любила.

А Котик так и стоял на жестком подоконнике, приложив маленькую ладошку к стеклу, за которым на засыпанной снегом дорожке, подсвеченной тусклым фонарным светом, уже никого не было. И только кошка Васька крутилась рядом и, глупая, тыкалась влажным носом в его бок.

— Не плачь, Котик. Не плачь.